

The background of the cover is a dark, atmospheric night scene. A large, pale full moon hangs in a sky filled with dark, swirling clouds and several bright, star-like points of light. In the foreground, a young man with dark, curly hair and round glasses is shown in profile, looking towards the left. He is wearing a light-colored button-down shirt under a dark jacket. Behind him, to the left, is a dark, multi-story building with several windows glowing with warm light. The overall mood is mysterious and somber.

Ника Лисовская

Возмездие

История Герхардта Камински
Часть 1

• помни о предках •

Ника Лисовская

Возмездие

Серия «Герхардт Камински», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67168437

SelfPub; 2024

Аннотация

Герхардт Камински на вид обычный хлипкий очкарик. Он рисует картинки для детских журналов и никак не решается поговорить с соседями, которые делают его жизнь невыносимой затянувшимся ремонтом. Дождливый осенним утром Камински спешно собирается в дорогу. Его ждёт мрачный Город. Тьма начала свою кровавую жатву и Герхардт единственный, кто может её остановить.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ника Лисовская

Возмездие

Глава 1

Горизонт простирался бесконечной идеально ровной полосой. Чёрная твердь промёрзлой земли и серая застиранная занавеска предрассветного неба. Где-то там, на границе двух противостоящих друг другу миров, скакал златогривый в яблоках конь, цокая копытами с железным противным лязганьем.

Герхардт Камински, мужчина тридцати четырех лет, заворочался во сне встревоженный неприятным звуком. Недовольно замычал, буркнул что-то вроде: "Ну, это не дело!" и открыл глаза. Небыло ни горизонта, ни коня серого в яблоках. На Камински смотрел знакомый потолок спальни с пыльной люстрой в виде трех стеклянных лилий на деревянных гнутых стеблях, и трещиной, делящей его ровно пополам. Она (трещина) появилась вместе с новыми соседями. Три года назад шумное семейство купило квартиру этажом выше – у отставного полковника. И первое, что они сделали после заключения сделки – начали ремонт, который, кажет-

ся, грозил не закончиться никогда.

Четвертый месяц каждое утро Герхардта начиналось с оглушительного жужжания дрели, стука и музыки, под которую работали строители. Бодрые восточные ритмы в которых Камински начинал угадывать знакомые слова.

Просыпаясь в своей холостяцкой постели, и видя трещину над головой, Герхардт частенько размышлял о том, что хорошо бы вытащить из пыльной темной кладовки стремянку, вооружиться мастерком, шпаклёвкой и стереть трещину с потолка. Вторым по популярности размышлением по утрам были мысли на тему – как набраться злости и пойти потолковать с невоспитанными узбеками. Третьим – найти хорошего риэлтора, продать эту квартиру, а другую купить. В доме, где у всех соседей уже есть хороший ремонт!

Так было бы и сегодня, если бы не лязгающий железный звук, неприятно ворвавшийся в это утро. Он неожиданно повторился. Громкий и отчетливый. Будто по железному карнизу размеренно бряцали молотком.

Камински тихо ругнулся и сел в кровати. Протянул руку к тумбочке чтобы взять очки в тяжёлой чёрной оправе и нацепить на нос.

Снова утро начиналось с шумных соседей и неизвестно сколько ещё предстоит терпеть!

Может, пора уже подняться к ним и потребовать?...

Может, это само мироздание говорит:

– Хватит, Герхардт! Пора что-то менять! Соберись и пре-

крати уже этот бардак! Будь же мужиком, Камински!

Но стоило перевести взгляд на часы на прикроватной тумбочке, чтобы забыть обо всем. И о соседях, и о бряцающем копытами коне. Забыть, и подпрыгнуть. И откинуть одеяло. И сунуть тонкие белые ноги в домашние шлепанцы, вскочив в панике с кровати.

Камински заметался по квартире, как испуганная мышь, пойманная в банку.

"Кофе! Бриться! Чемодан! Билеты!.." – мысли метались в голове, как разбушевавшаяся толпа орущих первоклашек.

Каждый день Камински смотрел на беспокойную стайку школьников, шумно сыпавшихся из чугунных ворот через дорогу. Смотрел, не спеша попивая поздний кофе и размышляя о том, что вот это и есть "частицы бестолкового Броуновского движения". Иллюстрации лучше не придумать.

Сейчас Камински и сам в некотором роде был этой частицей. Многорукий и вездесущий, он ставил на плиту кофейник, и спешно брился, и бросал вещи в чемодан, бегая из одного угла темноватой квартиры в другой, громко шлепая тапками по паркетному полу.

Смена белья, носки, пара сорочек, брюки, галстук, туфли, фланелевая пижама в мелкую красную клетку, запасные очки в твёрдом футляре, книжка для записей и

блокнот для набросков, твердый металлический пенал с карандашами и мягкая пачка растворимого кофе, три квадратных плитки молочного шоколада, пакетик жареного мин-

даля, книжка "1000 и одна головоломка" и недочитанный Франц Кафка в мягкой обложке. Далее в чемодан была утрамбована внушительных размеров аптечка. В ней было все – начиная пастилками от кашля и таблетками от изжоги, и заканчивая берушами, пластырями и набором для перевязки.

Никогда не знаешь, что может случиться.

Наскоро побрившись и заклеив порезы наслюнявленными обрывками белоснежной туалетной бумаги, Камински сложил в чемодан дорожную косметичку. Она хранила в своих темно-синих раздувшихся от содержимого недрах электрическую бритву, зубную пасту, зубную щётку, лосьон после бритья, зубную нить, шампунь и гель для душа в крохотных флаконах, дезодорант без запаха и пену для бритья.

После короткого размышления над чемоданом, уперев в бока тонкие руки, Камински добавил небольшой плоский флакон с пижонски поблескивающей золотой крышкой – туалетная вода с теплым сладковатым ароматом сандала и табака. Чуть поколебавшись Герхардт сделал пару пшиков на себя и один в чемодан. Приятно быть аккуратным молодым мужчиной. Но ещё приятнее, быть мужчиной, от которого приятно пахнет.

– Кажется, все, – пробормотал Камински и наклонился застегнуть чемодан. Потом аккуратно закрыл на замочек, ключ убрал в кармашек чёрного портмоне, а чемодан тщательно обернул плёнкой – не любил возиться с этим в аэропорту.

Чемодан был вывезен в коридор и на него

легла небольшая затертая сумка из коричневой кожи. Сверху, чтобы уж точно не забыть – паспорт, бумажник и билет, мобильный телефон, аккуратно свернутый провод зарядного устройства и наушники в темно-зеленой коробочке. Все эти мелкие вещи он всегда раскладывал на виду, чтобы не оставить дома в суматохе.

Герхардт Камински был из тех суеверных людей, которые никогда не собирают чемодан заранее. Только в день отъезда. И сейчас, когда после всех сборов оставалось ещё пятнадцать минут до приезда такси, он был чертовски доволен собой – есть время не спеша выпить кофе.

Камински застегнул на запястье рыжий ремешок старых механических часов "Луч" – память об отце. Поправил манжеты голубой рубашки в тонкую белую полосу, одернул свитер с орнаментом и прошёл в кухню – по его расчётам кофе достиг той самой температуры, когда его приятно пить, не давясь и не обжигая при этом губы.

Путь предстоял не близкий, беспокойный и Герхард чувствовал необходимость настроиться.

Всякое путешествие для него являлось выходом из зоны комфорта которую он много лет кропотливо выстраивал вокруг себя, сознательно делая жизнь предсказуемой и удобной. Как будто это могло спасти его от бурь, что иногда насылал враждебный мир, выбивая почву из-под ног и руша планы.

Маленький мирок Герхардта Камински был привычным до монотонности. Здесь все имело значение и каждое время дня хранило свои ритуалы, которые соблюдались неукоснительно.

Утром с понедельника по пятницу подъем по будильнику в 7:00. Горячий душ. Растирание худого жилистого тела жёстким махровым полотенцем. Два коротких пшика дезодоранта под каждую подмышку. Бритье у круглого зеркала в ванной. Лосьон всегда одной и той же марки примерно с тех пор, когда Герхард впервые взял в руки бритву, что бы без жалости срезать несколько жёстких волосков появившихся на подбородке.

Чистка зубов две минуты электрической зубной щёткой средней жёсткости и пастой обещавшей подарить "Супер Свежесть".

Осмотр и подстригание ногтей маленькими ножничками с прорезиненными ручками.

Укладка густых каштановых волос, которые так и норовили завиться крупными кудрями, что придавало Герхардту легкомысленный вид. Поэтому каждое утро он тщательно разглаживал их пеной для укладки волос, сильно зачесывая у висков и оставляя небольшой объем надо лбом. Эту причёску Камински подсмотрел в каком-то фильме, кажется, ещё из тех, где актёры умели играть, а спецэффекты использовались только для того, чтобы показать далёкое космическое

будущее. Герхардт считал, что причёска ему очень идет, придавая вид брутальный и вместе с тем немного небрежный.

Если бы Камински узнал, что у подростков их многоквартирного дома именно за эту манеру укладывать волосы, он получил прозвище "Обсос", то бы был неприятно удивлён. И, может даже состриг кудри вообще. Но Герхардт не знал и щедро наносил мусс на тёмные волосы, напевая под нос лёгкий мотивчик и немного воображая себя Элвисом Престли.

Закончив утренний туалет, Камински специальной тряпочкой протирал от влаги хромированные поверхности, кафель и зеркало. Развешивал на полотенцесушитель влажные полотенца и выходил из ванной никогда не забывая выключить свет.

Он шёл в спальню светлую и аскетично обставленную – кровать, антикварный торшер на тонкой ноге из красного дерева. С другой стороны – тумба на длинных ножках с парой книг и чашкой недопитого с вечера чая. У стены блеснул темным лаком старомодный плательный шкаф и стояло у широкого окна мягкое кресло, в котором он никогда не сидел, но любил представлять, как будет читать здесь и смотреть на улицу, на кроны деревьев и крыши домов. Но до кресла никогда не доходило – читал Герхардт лёжа в постели. Всего пару страниц, а то и строк, перед сном. Ему хотелось прочесть всю классику, составив личное мнение о сюжете и слоге. Хотелось осмыслять и смаковать каждое предложение, находить скрытые смыслы и видеть какие-то истори-

ческие процессы, завуалированные ловким автором. Но Толстой и Сартр навевали тоску и сон. Он продирался сквозь повествования, чувствуя не смыслы и глубину, а усталость и нагромождение букв. И все же он упорно продолжал читать, считая, что должен преодолеть себя, складывая прочитанные книги на полку, словно трофеи.

После душа Герхардт доставал из шкафа свежую белую футболку и клетчатые домашние штаны из мягкой фланели. Снимал белый махровый халат, неспешно переодевался и шёл готовить завтрак – чашка заварного кофе из блестящей гейзерной кофеварки, глазунья из двух яиц с жидким желтком и пара венских сосисок. На десерт всегда четыре квадратика горького шоколада.

Примерно в 8:00 Герхард Камински начинал рабочий день. Он входил в кабинет и садился за стол. Включал компьютер и пока тот загружался, листал ежедневник сверяясь с рабочими задачами. Первые два часа, пока голова была свежей, он посвящал рабочей переписке и звонкам, разбирал почту, составлял расписание на следующие дни и месяцы, отмечая красным дедлайны. А потом, нацепив на длинный нос очки, разминал тонкие пальцы и начинал рисовать.

Герхардт Камински работал иллюстратором, сделав в этой сфере неплохую карьеру и выстроив все так, что мог называть себя гордым словом "фрилансер". Больше можно было не ездить по издательствам выклянчивая заказы. Он обеспечил себя кругом постоянных заказчиков, с которыми было

"комфортно работать на комфортных условиях". Камински никогда в этом не признавался, но в глубине души гордился своей работой и особенно тем, что мог выбирать заказы и заказчиков, а не хвататься за все подряд, чтобы свести концы с концами.

В основном он рисовал забавные картинки для детских книжек и журналов. Соглашаясь на заказ только если история была ему интересна.

Особой гордостью была серия комиксов для малышек с пчелой Жу-Жу, за которую Камински получил престижную награду в прошлом году и диплом красовался над рабочим столом в золоченой рамке. Этот диплом подбадривал и как бы говорил бабушкиным назидательным тоном: "Кто хорошо трудится, тот получает свою награду".

Примерно в полдень Герхард отодвигал стул, разминал затекшую тонкую шею и шёл в кухню варить вторую чашку кофе. В это время из школы напротив высыпали шумно галдящие ученики. Камински наблюдал за ними, узнавая по ярким ранцам и давая прозвища вроде Толстяк, Нытик, Задиря или Синяя Шапка. Иногда эти наблюдения наталкивали на свежие идеи и тогда Герхард делал быстрые зарисовки в небольшом блокноте, который всегда лежал на подоконнике между фиалкой и кактусом Ансельмо.

Об этом чудачестве – давать имена цветам – фиалкам и фикусам, Герхардт прочёл в интернете и ничего кроме недоумения новое веяние у него не вызвало. А потом, в прошлом

ноябре, выбрасывая мусор, он увидел у зелёного мусорного бака большой треснувший глиняный горшок, а в нем нелепый зелёный кактус. Нелепый, потому что был он высокий и длинный с увядшим розовым цветком на макушке. Как будто худой небритый мужик пристроил за ухо мятую розу в надежде на успех у противоположного пола и продолжение праздника.

Камински даже усмехнулся тогда своим мыслям и пошёл домой, натянув поглубже капюшон куртки, стараясь укрыться от морозящего дождя. Но пройдя пару метров обернулся и от этой картины – кактус с мятым розовым цветком у промокшей помойки, тоскливо сжалось сердце. Герхардт вернулся, чтобы поднять с грязного асфальта глиняный горшок. Он оказался довольно тяжелым и нести его было неудобно, потому что кактус все норовил упасть Герхадту на лицо. Видимо, в порыве благодарности. Притащив цветок домой, Камински поселил его на тёплой кухне и назвал Ансельмо. Потому что должно же быть у домашнего питомца какое-то имя. На следующий день купил ему свежий грунт, задолбав, как следует вопросами продавца в зоомагазине, и новый красивый горшок.

Теперь по утрам, переступая порог кухни, Герхардт говорил "Доброе утро!".

Наверное, друзья засмеяли бы его, а знакомые покрутили бы пальцем у виска. Но друзей у Герхардта не было, знакомые в дом не были вхожи и некому было осуждать дружбы

с кактусом.

После кофе Камински вновь возвращался за работу, а примерно в половину третьего устраивал перерыв на обед, состоящий обычно из супа и бутербродов.

Рабочий день длился до семи. Камински не разрешал себе задерживаться дольше. Только в исключительных случаях, если заказ был очень срочным и за него очень хорошо платили. Но обычно в семь вечера Герхард складывал блокноты с набросками аккуратной стопкой, прятал карандаши в коробку, выключал компьютер и шёл переодеваться.

Потому что в любую погоду у него был час-два прогулки. Это полезно.

По четным дням Камински выходил из дома и поворачивал направо. Шел в тихий парк неподалеку от дома. Бродил по аллеям размышляя о том, о сём, любовался видами и иногда делал короткие зарисовки или фото камерой смартфона, чтобы потом использовать, как референс.

По нечетным дням выходя из дома Герхардт поворачивал налево. Бодрым шагом шел вдоль проспекта – от дома до конечной остановки троллейбусов и обратно.

На проспекте в любую погоду былолюдно, шумели машины, светились вывески и витрины магазинов. Во время этих прогулок Герхард чувствовал жизнь. Мир, большой и шумный, в котором все связаны невидимыми нитями.

В хорошую погоду Камински покупал кофе, садился на скамейку, или за столик кафе и рисовал. Небрежные зарис-

совки в маленьком блокноте, который всегда носил с собой в кармане куртки. Он называл это "рисовать жизнь" выхватывая из ее потока яркие детали.

Вернувшись домой Камински ужинал чем-то простым вроде салата и быстро зажаренного стейка, смотрел какое-нибудь легкое кино, торчал в интернете, читал, а в 23:00 выключал торшер у кровати, дернув за цепочку с ручкой из зеленоватого опала и закрывал глаза, повернувшись на левый бок.

На тумбочке стояла чашка с теплым сладким чаем, лежали в футляре очки и телефон, который звонил каждое утро в 7:00, чтобы разбудить Герхардта.

По выходным Камински выключал будильник позволяя себе поспать по дольше. Завтракал около десяти, очень неспешно, читая за едой новости и набрасывая на бумажке список покупок. Он предпочитал ходить за продуктами один раз в неделю с тщательно продуманным списком. Он не был скрягой, просто не любил бесполезных вещей.

В день покупок он не позволял себе расслабляться, занимаясь только домашними делами. Стирка, уборка, мелкий ремонт. Все имело свое время в тщательно продуманном расписании от которого Камински предпочитал не отклоняться.

Развлечения вносились в ежедневник, так же, как поход к парикмахеру или стоматологу.

В записях значилось "Суббота 15:30 кинотеатр", "пятница

20:30 театр" или "воскресенье 11:00 выставка". Он планировал сходить на премьеру приключенческого фильма, когда телефонный звонок разрушил планы на выходные:

– Вы должны выехать, как можно скорее. Мы очень нуждаемся в вашей помощи. Все подробности мы послали на электронную почту. Проверьте, – произнес жесткий, не терпящий отказов голос и Герхарду Камински пришлось менять расписание в срочном порядке. Писать заказчикам и отодвигать сроки.

Глава 2

Такси приехало с опозданием на четыре минуты, заставив Камински изрядно понервничать. Он ждал внизу у подъезда с чемоданом и сумкой. Нервно расхаживая взад-вперед по мокрой от мелкого дождя дорожке и выглядывая машину с шашечками на крыше.

В город наконец пришла осень, сильно запоздав и отставая от календарной почти на три недели. Листья на деревьях только-только подернулись золотом, по утрам на траве выступала роса и воздух наполняла прохлада, но поднималось над горизонтом ещё тёплое солнце, прогревало все вокруг и дни могли сойти за летние.

Но именно в это утро небо затянули тучи и когда Камински, груженный дорожной кладью, вышел из подъезда, начал накрапывать дождь. Зонт, как на зло, конечно же был забыт дома. И сейчас, к переживаниям о опаздывающей машине, прибавилась необходимость принять решение – взять вещи и подняться на свой четвертый этаж за зонтом, или же плотнее запахнуть твидовый пиджак, уйти под каменный козырёк над подъездом, и дожидаться машину. А зонт купить на месте. Может быть даже в аэропорту. Должны же там продаваться зонты конце-то концов?!

Чёрный автомобиль с логотипом службы такси медленно, даже торжественно, вплыл во двор и, кажется, остановился

только потому, что Герхардт выскочил перед ним на дорогу отчаянно махая руками.

Водитель через стекло смерил его тяжелым взглядом рыбьих, навывкате, глаз, и, когда Камински рванул пассажирскую дверь с возгласом:

– В аэропорт!

Медленно кивнул и открыл багажник. Из автомобиля он так и не вышел и Герхардту самому пришлось грузить чемодан. Аккуратно устроив его в не слишком чистом багажнике, он юркнул на заднее сидение, прижимая к груди коричневую сумку на длинном ремне и небольшой чёрный рюкзак. Решение взять его было спонтанным. Уже на пороге, перед самым выходом, Герхардту пришло в голову взглянуть на прогноз погоды в городе, куда он направлялся и очень удивился, когда все сайты единодушно показали +5 – +10 и дождь.

Резким движением человека, который вот-вот опоздает из-за того, что погода на земном шаре не одинакова, Камински схватил с вешалки рюкзак, вытряхнул содержимое прямо на тумбу в коридоре, вытащил из шкафа синюю стеганую куртку, шарф и запихав вещи внутрь, выскочил из квартиры.

Жаль, не взял зонт.

Просто идиот, что не взял!

В салоне такси плотно пахло кокосом и, по случаю дождя, окна были наглухо закрыты. Таксист, хмурый пузатый мужик с красным лицом, выдававшим вспльчивого любителя

горячительных, так грозно посматривал на пассажира в зеркало, что Камински сразу понял – беседы не будет. И просить открыть окно тоже – не стоит.

Не то чтобы Герхард сильно любил болтать с незнакомыми людьми, но когда ведешь замкнутый образ жизни, порой это развлекает.

Ну, нет так нет.

Камински поерзал на заднем сидении, устраиваясь поудобнее, поправил ремень безопасности и ремешок сумки на тощей груди, пригладил волосы, которые чуть намокнув немедля начали завиваться, наплевав на количество втертого в них средства для укладки, и протёр стекла очков специальной тряпочкой, которую носил в футляре.

Путь до аэропорта предстоял неблизкий, а таксист включил любимое радио всех таксистов, где пели исключительно почему-то про ушаночки, телогреечки, Мурок-предательниц и чистую лебединую любовь на пруду.

Вставляя в уши наушники, Герхард рассеянно размышлял о том, как же странно все устроено в мире – французский шансон трогает сердце, а от русского почему-то хочется сигануть в окно. Хотя вроде бы по сути смысл песен примерно об одном – коварство и любовь.

Камински открыл приложение в смартфоне и выбрал специально Эдит Пиаф, что бы под пронзительный вокал ма-

ленькой француженки наблюдать, как за окном медленно проплывает город в жёлтых пятнах осени и потоках дождевых струй. Рука потянулась к внутреннему карману пиджака, где лежал маленький блокнот в чёрной обложке и ручка, но Камински одернул себя – это будет только больше нервировать и без того взвинченного водителя. Герхардт давно заметил, что людям не слишком нравится стать вдруг объектом зарисовки. Зато наблюдать стоя за плечом и раздавая советы, совсем другое дело. Тут каждый был критик и каждый художник.

Камински прикрыл глаза и постарался сосредоточиться на музыке:

Balayés les amours

Позабыта печаль,

Avec leurs trémolos

Позабыта любовь,

Balayés pour toujours

На века. Их не жаль -

Je repars à zéro ...

На счету снова ноль...

Герхардт знал французский не слишком хорошо, понимая лишь общий смысл. И музыка настроила его на лирическую волну. Он тоже чувствовал себя в "точке зеро".

Последние отношения закончились пару лет назад и он потерял надежду найти ту, что будет терпеть его отлучки и внезапные визиты родственников.

Герхардт, переживший первую любовь, как драму, а физический аспект близости с женщиной воспринимая исключительно через призму похоти и грязи, долгое время сторожился женщин, но природа, как водится, была умнее и взяла своё. Однажды на студенческой вечеринке все же случилось необратимое – Камински напился и сдался под напором симпатичной однокурснице. Долго их быстро вспыхнувший роман не продлился, но хотя бы изменил отношение к физической стороне любви.

Впрочем, Камински, как настоящий интеллектual быстро понял, что женщина для любовных утех и женщина для жизни это не всегда одна и та же женщина. Но смириться с этим не мог. И отчаянно искал "ту самую". Раз за разом разочаровываясь или разочаровывая.

Он понимал, что возможно все дело в рассказах бабушки, Гертруды Олафовны о его предках. По ним выходило, что все браки в их семье заключались примерно по одному сценарию – мужчина и женщина встречались и одного лишь

взгляда было достаточно, чтобы понять — вот с этим человеком я проживу свою жизнь!

Например, сама бабушка увидела во сне своего избранника. Он привиделся ей стоя у окна в ярко-голубой майке причёсывающим волосы маленьким гребешком. Так все и вышло! Молоденькая Гертруда поехала погостить на лето к подруге в соседний городок. И однажды, прогуливаясь по тенистой улочке вдоль маленьких одноэтажных домов, девушка увидела в окне его — парня в ярко-голубой, в точности, как из сна, майке. Он причёсывался и не замечал наблюдающих за ним через низкий заборчик девушек. А потом и вообще — вышел из комнаты, скрывшись в глубине дома. Гертруда была мягко говоря, обескуражена. Ведь парень из сна не обратил на неё никакого внимания, в то время, как сердце девушки было уверено — этот тот самый человек, с которым она свяжет жизнь! Он и только он!

Деятельная Гертруда попыталась выяснить у подруги хоть что-то о молодом человеке, но оказалось, что та его не знает. И, не смотря на то, что городок небольшой, никогда его не видела.

Могло ли это остановить девушку, уверенную в том, что она повстречала спутника жизни? Конечно, нет.

К вечеру, через знакомых и знакомых знакомых, удалось выяснить, что парня зовут Юрий. Что он проходит службу в армии, а сюда приехал в отпуск в гости к сослуживцу. И продлится увольнение ещё два дня. А потом парни вернутся

в расположение. На остров в Северном море.

Узнав это Гертруда пришла в сильнейшее волнение – только два дня! А они даже не знакомы.

Вечером, разрядившись в пух и прах, они с подругой явились на городскую танцплощадку – обе были уверены, что парни обязательно захотят потанцевать с красивыми девушками, что бы было, что вспомнить потом, длинной северной ночью.

Расчёт оказался верным. Гертруда сразу увидела голубоглазого незнакомца, а вот он, атакованный местными красавицами, не сразу её заметил.

Как быть, если вы живёте во времена, когда хорошие манеры не пустой звук? Когда сделав что-то не так, поведя себя слишком смело, можно навсегда запятнать свою репутацию. И никогда не то чтобы не выйти замуж, а прослыть вертихвосткой.

Но и здесь Гертруда проявила упорство и хитрость.

В те времена небыло никаких магнитофонов, стереосистем и музыку на танцах молодёжи обеспечивал гармонист – пожилой небритый дядя Ваня. Он за небольшие деньги мог исполнить любимую мелодию, которых знал великое множество. Когда гармонист уставал, то заводили старый скрипучий патефон. И под его шаркающие негромкие напевы, молодёжь тоже "передыхала". Девушки поправляли наряды, промакивали лица платочками. Хихикали, сбиваясь в яркие стайки и делясь впечатлениями. Парни вели себя более сдер-

жанно – доставали с важным видом сигареты, кто-то бодрился глотком домашнего кислого вина, после которого уже более смело улыбался своим симпатиям.

Гертруда быстро оценила обстановку. На танцах в своём городке она была настоящей звездой. Не красавица – слишком большой нос делающий её далёкой от идеала – девушки с личиком фарфоровой куколки, но Гертруда умела себя подать. Она мастерски подчеркивала свои достоинства – пышные густые волосы, огромные голубые глаза, тонкую талию и изящные маленькие ножки. Она носила туфельки 34 размера. Их шили по индивидуальной мерке у лучшего сапожника, специально за этим отправляясь в Ростов. Мужчины от этих ножек просто теряли голову. Вот и сейчас Гертруда собиралась сразить голубоглазого красавца в военной форме, своим главным оружием.

Пошептавшись с гармонистом и сунув ему в карман потрепанного пиджака, целый рубль, Гертруда одернула пышную юбку, поправила волосы и приготовилась.

– Белый танец! Дамы в белом, приглашают кавалеров! – провозгласил скрипучим голосом гармонист и растянул меха. Пальцы ловко забегали по клавишам и прежде чем густой баритон затянул:

– Звёзды над лесом тёмным

Белых берёз листва

Я на всегда запомню

Эти слова...

Гертруда стояла перед стнеглазым парнем, с улыбкой протягивая ему руку в белой перчатке, приглашая на танец.

Популярная песня Марка Бернеса с, как бы сейчас сказали, провокационным названием "Наша любовь" была выбрана, конечно, не случайно. Здесь Гертруда шла ва-банк, ставила все на карту и рисковала.

Парень, конечно, растерялся, но приглашение принял, закружив девушку в танце.

– А танцевал он, примерно, как медведь! – всегда со смехом вспоминала Гертруда и в её выцветших голубых глазах появлялся молодой блеск и морщинистые щеки подсвечивал румянец.

Парень двигался тяжело и неловко, краснея от ласковой улыбки партнёрши, которая не сводила с него огромных красивых глаз. Он оттоптал ей все ноги, но она даже не пикнула. Но когда песня уже заканчивалась и гармонист, вкладывая всю душу тянул:

– Сердцем взлелеяно, дружбой овееяна
На-а-а-ааша-а-ааа любо-о-о-оооовь...

Гертруда вдруг охнула и упала в объятия партнёра. Он смутился, покраснел, и постарался вернуть её в вертикальное положение.

– Я подвернула ногу! – жалобно сообщила девушка.

Как воспитанный кавалер, парень помог ей дохромать до грубо сколоченных их досок скамеек, а усадив, рассчитывал видимо уйти, но хитрая Гертруда ухватила его за рукав сол-

датской гимнастерки и попросила:

– Вы не посмотрите? Я, кажется, сломала каблук.

Она очень выразительно посмотрела на красную туфельку на маленькой ножке. Парень не понимая чего от него хотят и, почему девушка сама не может снять с ноги башмачок, все же присел перед ней на колени, снял туфли с маленькой ножки, осмотрел острый изящный каблук, постучал им по большой широкой ладони, потом по скамейке и аккуратно одел обратно.

– Все в порядке? – с надеждой спросила Гертруда.

– Да, – кивнул парень, краснея.

– Нога ещё болит, – сказала девушка, хлопая длинными ресницами. – Вы не проводите меня домой? Самой мне не дойти!

Конечно, он не мог отказаться!

Пара медленно шла от танцевальной площадки по темным летним улицам. Гертруда обнимала нового знакомого за руку, все ещё разыгрывая хромоту, и стараясь разговорить скромного парня. Оказавшись с девушкой наедине, вдали от любопытных глаз и насмешливых замечаний, он быстро "оттаял", оказавшись интересным и остроумным собеседником. Гертруда специально петляла по улицам маленького городка так, чтобы сделать их прогулку длиннее. И потом, спустя много лет их счастливого брака, он признается, что сразу разгадал все маневры девушки. Мало того – окажется, что он заметил её ещё пару дней назад, когда Гертруда покупа-

ла на пестром городском рынке персики, придирчиво выбирая каждый и складывая в маленькую, плетеную из светлой лозы, корзинку. Когда она пришла на танцы, он весь просто оторопел, понимая, что должен обязательно пригласить на танец эту девушку и узнать, как зовут прекрасную незнакомку с толстой пшеничной косой. Но так растерялся, что не мог даже пошевелиться и если бы Гертруда не подошла первой, то так и не сдвинулся бы с места.

Они распрощались, когда небо над городом стало медленно светлеть и запели в курятниках звонкие петухи.

Следующий день они тоже провели в месте, и прощаясь на вокзале, Гертруда подарила любимому поцелуй, и обещание ждать.

Из армии он вернулся сразу к ней, везя в солдатском мешке связку её писем.

Эти письма бабушка хранила в своей комнате в маленьком сундучке с кованными уголками и часто перечитывала.

Сердце не обмануло её. Они прожили вместе шесть прекрасных лет, полных любви. Гертруда родила Олава, и передала ему Дар Камински. Дед Юрий умер внезапно – возвращался домой и его сбил пьяный водитель грузовика. Смерть его Гертруда приняла стоически – знала, что это случится. День, час. До минуты, когда сердце любимого остановится навсегда. Она была умной женщиной, она была дочерью своего рода, что был не понаслышке знаком с Тьмой и Светом. И Гертруда прекрасно знала, что не всегда нужно вмешиваться

в то, что приготовила нам жизнь. И отсрочить смерть тоже не всегда необходимо.

Любимый был послан ей для того, что бы появился на свет Олав. И что бы тот, кто сбил его, очнулся и прекратил вести свою непутевую жизнь. У мира на него был другой план и другой замысел, от которого человек ушёл слишком далеко. И нужна была настоящая трагедия, что бы вернуть его к изначальному.

Герхард всегда находил эту историю несправедливой. Но бабушка говорила на это:

– Не осуждай! Ты не можешь знать всего! Это все равно, что судить о мире по одной комнате! Я была счастлива с твоим дедом! Он подарил мне несколько прекрасных лет и сына. Некоторые проживают всю жизнь не пережив ни дня того счастья, что досталось мне!

Герхардт верил. И это лишь укрепляло легенду о Единственной, которую он должен обрести однажды. Но сердце молчало и Та Самая не спешила на встречу.

Со временем Герхард в легенде разуверился и искать перестал. Завязывая отношения по принципу "Почему нет?"

Его последняя история завязалась, как служебный роман. Он рисовал логотип для местной сети детских игровых комнат и приезжал показывать и обсуждать варианты лично. Хорошенькая директор по рекламе звонила ему по поводу и без, изводя новыми идеями и вариантами правок. А потом прямо написала о том, что приглашает на свидание. Пригла-

шение смутило Герхардта. Но, рассудив, что проект сдан, а значит рабочим отношениям личные не повредят, Камински согласился. Девушка была хороша собой, остроумна и, в общем, Герхардту приятно было провести с ней время в ресторане за ужином и бокалом вина. Потом они встретились ещё раз и ещё. И вот уже Камински ждал её звонков, сообщений и встреч. А потом они и вовсе – съехались, решив, что если есть возможность, то пусть это будет нейтральная территория и сняли квартиру, поделив расходы пополам.

Неприятности начались почти сразу – сначала загорелась в спальне проводка. Как только её починили, в ванной сорвало кран и квартиру буквально затопило. Ликвидировав последствия потопа пара столкнулась с другой напастью – из всех вентиляций и сливов полезли тараканы. Вызванные дезинсекторы только разводили руками – дом новый, подвал чистый, у соседей ничего, а все насекомые почему-то лезли в квартиру номер 92.

На время дезинсекции пара на несколько дней перебралась в квартиру Герхардта, где началась настоящая чертовщина – Лина, так звали девушку, не могла расслабиться ни на минуту – спотыкалась о порожки, посуда выскальзывала из шкафов прямо ей на голову, а створки дверей били по лбу. Розетки и электроприборы кусались током, вода из крана никогда не бежала нужной температуры – или кипятком, или лёд. Или вообще – вонючая ржавая жидкость. Девушка никогда не выпалась, уверяя Герхардта, что кто-то ночью

стоит у её края кровати и хрипло дышит.

А потом с Камински случился приступ – внезапно посреди ужина, у него хлынула из носа кровь, прямо в тарелку со спагетти в соусе карбонара. Герхардт потерял сознание, упав с табуретки на светлый пол.

Ему явился дядя Мидгардт, с требованием:

– Оставь эту девицу! Неужели не видишь, что она не для тебя! Мы подаём тебе знаки, Герхардт! Открой глаза!

Когда Герхардт открыл глаза, кровь из носа залила пол, а рядом сидела оцепеневшая от ужаса Лина. Что делать, когда человек падает в обморок она не знала и просто сидела рядом ожидая, что все как-то само разрешится.

На следующий день Камински был записан к неврологу и на МРТ. Попытки объяснить, что дело все в индивидуальной особенности, небыли услышаны. И начались изнурительные хождения по врачам и бесконечные анализы. Герхардт был здоров. Показатели организма в норме. Но приступы с потерей сознания и кровотечениями из носа, продолжались. Что ещё хуже – участились. Как и ночные кошмары Лины. Она стала бояться темноты и ночью приходилось оставлять во всех комнатах свет.

Родственники Герхардта в один голос требовали завершить отношения с неугодной им девушкой. Но это имело совершенно обратный эффект – Камински из чувства противоречия, будто ему снова пятнадцать, вцепился в неё, как бульдог у которого заклинило челюсть. Он даже сделал ей

предложение, обставив это с таким размахом на какой способен только настоящий романтик – пригласил в ресторан и купил кольцо, которое шеф-повар спрятал в десерт. Официант полил горячим малиновым соусом шоколадную сферу, она растаяла и под ней, в пластиковом куполе, блеснуло камнем кольцо.

Лина, сияя счастливыми глазами, протянула Герхардту в знак согласия, оттопыренный палец и сказала:

– Да!

Грянули скрипки нанятых для такого случая музыкантов и в этот торжественный момент Камински ощутил вкус жженного сахара. И зал провалился во тьму. Выступивший из неё дядя Мидгардт, сообщил, что семья не одобряет этого союза.

– Через два дня ты должен быть в городе Питкьяранта. Тебя встретит Алексей Шульц. У него узнаешь подробности дела и получишь новые инструкции.

Придя в себя Герхардт мог думать только о том, как сообщить об этом невесте. Он тянул целый следующий день, тайно заказав билеты, такси и распечатав посадочный талон.

Скандал разразился вечером. Лина вернулась с работы в необычайно приподнятом настроении и сказала, что у неё есть небольшой сюрприз. Герхардт хмуро ответил, что это прекрасно, конечно. Ему тоже есть, что сказать.

Лина достала из сумочки и помахала перед длинным носом Камински, яркими буклетами:

– Я купила нам путешествие! Вылет завтра! Бархатный сезон в Абхазии. Три ночи в отеле на берегу моря. Как тебе?

Герхардт побледнел и сказал, что это, конечно, прекрасно, но придётся отложить.

– Почему?

– У меня срочная командировка.

– М-м-м, – Лина подняла брови и поправила светлые волосы. – У иллюстраторов бывают командировки? А куда, если не секрет?

– Карелия, – упавшим голосом сообщил Камински. – Надо вылететь завтра.

– Ну, – она задумалась. – Хорошо. Я никогда не была в Карелии. Там вроде красиво.

– Я должен ехать один.

– Почему? – насторожилась девушка.

– Будет много работы, – Герхардт почувствовал, что медленно краснеет и это выглядит, как вранье. И краснел от этого ещё больше.

– А может, ты просто передумал? – серые глаза Лины хищно сощурились. – Может, решил, что не хочешь никакой свадьбы и врёшь мне про какую-то командировку?!

И тогда Герхард решил на очередной отчаянный шаг – сел и рассказал избраннице о тайне рода Камински. Но Лина, не поверила. Она категорически отказалась понимать про Дар рода Камински и когда Герхард в ответ на порванный посадочный талон, показал, что же за необходимость гонит

его в Карелию...

Бедняжка сбежала в ужасе и, по словам бабушки, клану Камински пришлось, как следует с ней поработать, что бы девица не разнесла хранимую сотни лет в тайне историю, по грязным ток-шоу.

В конце концов, дядя Эсмералд тоже был холостяком, рассуждал Герхард. Возможно, его жизнь не была достаточно полной без семьи и возможности продолжения рода, но в целом, он совершил много славных дел.

Пиаф рвала сердце погружая в глубокую грусть, которой Камински сейчас предаваться не хотел. Впереди перелёт и сложное дело. Лучше настроиться на него. А сожалеть о своей одинокой жизни он будет когда вернётся. Для этого идеально подходит вечер пятницы. Особенно, если купить вина и посмотреть фильм в духе "Английский пациент".

Герхардт выключил музыку, и достал наушник, но его сразу же, будто внезапный удар под дых, придавило к сиденью русским шансоном:

"Не гони ты меня, я прошу тебя вновь: не гони,
Я не тот, за кого постоянно меня принимала"

Камински вернул наушник в ухо и включил нейтрального Тома Йорка.

Мелодия, тягучая и медленная, идеально подходящая серому позднему утру, успокоила, но не тянула с собой, звуча просто фоном.

Камински никогда не думал о "деле" заранее, настойчиво отгоняя все мысли примерно до тех пор, пока не окажется на месте и ему не раскроют всех подробностей. Во-первых это позволяло сохранить трезвый взгляд, лишённый всяких предположений и фантазий.

Во-вторых – помогало не сбежать. Потому что всегда первой реакцией на "вызов" было дикое желание бросить все на хрен и удрать. Спрятаться. Исчезнуть, стерев из мира все свои следы. От школьных альбомов, до упоминаний в государственной системе.

Камински частенько предавался размышлениям о том, как это могло бы быть. И находил вполне осуществимым. Найти маленький домик подальше от людей. В какой-то живописной глуши. Продать имущество, обналичить деньги и раствориться. Жить просто. Без излишеств. Завести огорода, научиться собирать грибы, ягоды, ловить рыбу. Писать пейзажи в духе Левитана и Серова, продавая их через галереи.

Или наоборот – выбрать большой город, где никому нет до тебя дела. Купить в новостройке квартиру под самой крышей. Крохотную. Но непременно с огромным окном. Сменить причёску, отрастить бороду. Сделать новый паспорт и новую личность. Став, к примеру, Александром Рыжиковым. И вместо детских иллюстраций заняться комиксами для взрослых.

Но всякий раз в ответ на трусливые мысли, в голове

всплывал образ бабушки, которая строго сдвинув седые брови, говорила: "Помни о предках, Герхардт!" И он помнил. Набирал в грудь побольше воздуха и зажмурившись прыгал в новое дело, как в ледяную воду.

Когда Герхардт был подростком, он, конечно, попробовал бунтовать. Свернуть с пути. В котором не видел ни высокой миссии, ни романтики. А только ужасно тяжёлый груз, который предстояло тащить всю жизнь.

Да, Камински проколол ухо, чтобы носить в нем несколько серебряных сережек и одну булавку. Выкручивал громкость на магнитофоне из которого орал тяжелый рок так, что не слышно было, о чем говорят в бабушкином телевизоре Мария и Хуан Пабло. Оклеил стены комнаты постерами с любимыми музыкантами – "Kiss" и "Mötley Crüe" так, что не видно было ни кусочка нежно-зеленых обоев в розочках. Сорвал с окон шторы и заклеил бумагой, чтобы сделать таинственный полумрак. Носил только в чёрные футболки, джинсы и кеды. Мылся раз в месяц.

Но его железную бабушку этим было не пронять. Хотя Герхардт всячески показывал норов – вырезал дырки на новых джинсах, обвесил куртку цепями и булавками, отпустил волосы, и, желая шокировать строгую Гертруду Олафовну, даже подводил глаза чёрным карандашом.

Ему не хотелось "помнить о предках". Ему хотелось прожить другую жизнь. Какую, Камински и сам не знал. Просто

другую. Не ту, что была предначертана всем мужчинам в его роду.

Бабушка была всегда ровна с внуком независимо от того, как он вёл себя.

"Это просто период, Герхардт", — говорила она, на его жалкие попытки бунта. — "Ты перебесишься, и однажды выбросишь свои рваные портки и булавки, как тухлую требуху. Ты перебесишься и станешь таким, как все."

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.